

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-305-316>

EDN: OBBAHR

Научная статья / Research article

Материальное стимулирование как практика взаимодействия Российской империи с казахской элитой Младшего и Среднего жузов в XVIII – первой половине XIX в.

Юлия Александровна Лысенко , Ольга Евгеньевна Гундова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

 olga.gundova13@gmail.com

Аннотация: Исследуются формы материального стимулирования, которые использовали власти Российской империи во взаимоотношениях с казахской элитой Младшего и Среднего жузов в XVIII – первой половине XIX в., раскрывается эффективность данной практики. Источниковой основой исследования послужили опубликованные материалы, а также архивные документы делопроизводственного характера Российского государственного исторического архива и Центрального государственного архива Республики Казахстан. Показано, что материальное стимулирование казахов со стороны имперской администрации осуществлялось в различных формах: вручение ценных вещей и денег в виде подарков и наград, назначение жалований и пенсий за службу, возведение жилых построек, поездки к российскому императорскому двору. Авторы пришли к выводу, что данные практики нашли поддержку у казахской элиты и стали нормой ее отношений с российскими властями. Таким образом осуществлялось интегрирование казахской элиты в российское социально-правовое поле и параллельно формировалась лояльная имперской власти этносоциальная прослойка.

Ключевые слова: российско-казахские отношения, киргизы, Степной край, колонизация Казахстана, одаривание казахской элиты

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Лысенко Ю.А. – концепция и обработка материалов; Гундова О.Е. – сбор и обработка материалов, написание текста. Все авторы ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Лысенко Ю.А., Гундова О.Е. Материальное стимулирование как практика взаимодействия Российской империи с казахской элитой Младшего и Среднего жузов в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 3. С. 305–316. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-305-316>

Material Incentives as Practice during Interaction between the Russian Empire and Kazakh Elite of the Junior and Middle Hordes in the 18th – First Half of the 19th Century

Yuliya A. Lysenko , Olga E. Gundova

Altai State University, Barnaul, Russia

 olga.gundova13@gmail.com

Abstract: Through their study, the authors analyze the forms of material incentives used by the authorities of the Russian Empire in relations with the Kazakh elite of the Junior and Middle Hordes in the 18th – first half of the 19th century. The purpose is to reconstruct the various forms of material incentives used by the authorities of the Russian Empire in their relations with the Kazakh elite of the Junior and Middle Hordes in the 18th – first half of the 19th century and to identify the effectiveness of these practices. The source base of the study is published materials, as well as archival documents of the Russian State Historical Archive and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. It is shown that the material incentives for Kazakhs by the imperial administration were carried out in various forms: presentation of valuables and money in the form of gifts and awards, assignment of salaries, pensions for service, construction of residential buildings, and trips to the Russian imperial court. The authors conclude that these practices found support among the Kazakh elite and became the norm of its relations with Russia. In this way, the Kazakh elite was integrated into the Russian socio-legal field, and at the same time, an ethno-social stratum loyal to the imperial authorities was gradually formed.

Keywords: Russian-Kazakh relations, Kyrgyz, Steppe region, colonization of Kazakhstan, gifting of the Kazakh elite

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: Yu.A. Lysenko – concept and materials processing; O.E. Gundova – collection of material, materials processing, writing text. All authors reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Lysenko, Y.A., Gundova, O.E. “Material Incentives as Practice during Interaction between the Russian Empire and Kazakh Elite of the Junior and Middle Hordes in the 18th – First Half of the 19th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 3 (August 2025): 305–316 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-305-316>

Введение

Актуальность. Вопрос о механизмах функционирования имперских структур в их конкретно-историческом преломлении сохраняет свою актуальность и после ухода с исторической арены «классических» имперских образований. Колониальный дискурс остается в центре внимания не только ученых, но нередко влияет на содержание и структуру современных международных отношений. Российская империя представляла собой обширное, сложно структурированное государственное образование, включавшее в себя регионы, население которых имело этнические и конфессиональные особенности, формы управления, социальной организации и образа жизни. Одним из аспектов выстраивания взаимоотношений имперского центра и колонизируемых окраин являлось возвращение лояльных центру местных этнических элит. Для получения поддержки со стороны местной знати российские власти использовали целый комплекс практик, одной из которых было материальное стимулирование.

Степень изученности. В дореволюционной историографии накоплен богатый фактический материал по вопросам использования имперскими властями различных форм «прикармливания» казахской аристократии. Авторы работ, посвященных истории казахского народа, российско-казахских отношений и политики империи в Младшем и Среднем жузах, констатировали факты широкого применения различных

форм материального стимулирования степняков. Эти сюжеты освещались в связи с рассмотрением вопросов организации управления казахскими жузами, деятельности отдельных личностей – российских чиновников и представителей казахской элиты, однако не стали предметом специального изучения¹.

В советской историографии основное внимание уделялось изучению социально-экономического и политического развития Степного края в XVIII – первой половине XIX в. и проблемам классовой борьбы, вместе с тем в отдельных работах практики материального стимулирования казахов также получили освещение. В рамках господства формационной теории и теории классовой борьбы данные практики рассматривались как подкуп казахских феодалов, которые в корыстных целях выступали союзником царизма в колониальной эксплуатации трудящихся масс Казахстана².

В современной российской и зарубежной историографии вопросы материального стимулирования казахов затрагиваются опосредованно, в качестве отдельных аспектов иной проблематики: как часть имперской административной политики на юго-восточном направлении³, в контексте политической деятельности представителей степной элиты и российских губернаторов⁴, как элемент репрезентации власти⁵, практик российско-казахской политической коммуникации⁶.

Несмотря на обширную историографию проблемы, фактически не изучены сюжеты, связанные с материальным стимулированием степной аристократии, анализом его эффективности. В литературе, как правило, лишь констатируется факт «прикармливания» российской администрацией влиятельных представителей казахской элиты.

Цель исследования – установить степень эффективности практики различных форм материального стимулирования, использовавшейся органами власти Российской империи во взаимоотношениях с казахской элитой Младшего и Среднего жузов в XVIII – первой половине XIX в.

Источниковая база исследования включает несколько групп документов.

Первая из них представлена законодательными и нормативными актами Российской империи, регламентировавшими модель управления казахскими жузами. Совокупность источников данной группы позволила выявить и охарактеризовать

¹ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896; Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Астана, 2007; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.

² Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л., 1947; Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1947; Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960.

³ Избасарова Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М., 2018; Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб., 2020.

⁴ Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы, 2007; Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1620-1>. EDN: XMQUAH; Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019.

⁵ Ремнев А.В., Сухих О.Е. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским репрезентациям // Ab Imperio. 2006. № 1. С. 119–154. <https://doi.org/10.1353/imp.2006.0023>. EDN: PCGALP; Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб, 2018. EDN: YSHSLB

⁶ Гундова О.Е. Депутации казахской правящей элиты ко двору российских императоров (середина – вторая половина XIX века) // Журнал фронтальных исследований. 2023. № 3. С. 74–89. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.533>. EDN: OCXCXC; Лысенко Ю.А. Эпистолярное наследие Абылай хана в контексте казахско-российской политической коммуникации // Turkic Studies Journal. 2024. Т. 6. № 2. С. 93–108. <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-2-93-108>. EDN: NCLGKO

формы материального поощрения казахов. Материалы этой группы опубликованы в «Сборнике узаконений о киргизах степных областей» и других документальных сборниках⁷.

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация. Основной массив источников данной группы выявлен в фондах «Первый Сибирский комитет» (Ф. 1264), «Земский отдел МВД» (Ф. 1291) Российского государственного исторического архива и в фонде «Омское областное правление» (Ф. И-338) Центрального государственного архива Республики Казахстан. Ряд источников данной группы опубликован в тематических сборниках документов⁸. Среди них: межведомственная переписка Коллегии иностранных дел, Министерства иностранных дел, Оренбургской пограничной комиссии, Омского областного правления, Главного управления Западной Сибири, командования Сибирской линии и других органов власти Российской империи. Анализ совокупности делопроизводственных документов позволяет определить позиции различных ведомств и отдельных чиновников относительно использования конкретных практик материального стимулирования. Третья группа источников представлена эпистолярными документами – письмами казахских ханов и султанов представителям российской администрации⁹, которые позволили изучить реакцию казахской элиты на различные формы материального поощрения.

Пожалование подарков и наград

Одной из основ политики Российской империи в отношении подвластных народов, в том числе казахов, являлось выстраивание системы поощрения инородцев, которая нашла выражение в практике вручения вещественных и нематериальных ценностей. Данная практика была обусловлена как практической необходимостью (заинтересовать степную элиту выгодой от лояльности правительству), так и важностью формирования образа Российской державы в глазах кочевых подданных (продемонстрировать престиж и могущество империи – богатство казны, неисчерпаемость государственных ресурсов и проч.)¹⁰. К тому же пожалование денег и ценных подарков казахской верхушке вполне укладывалось в рамки традиционных представлений казахов, включая право требовать и обязанность приносить дары¹¹.

Материальные ценности жаловались степной элите в качестве подарков и наград. Достаточно распространено было вручение одежды и мехов, ювелирных изделий. Письма представителей казахской верхушки региональной имперской администрации часто включали просьбы о присылке продуктов питания, алкоголя, лекарства, табака, мехов, тканей, хозяйственной утвари, предметов роскоши¹². Визиты представителей казахской верхушки в российские крепости для встреч с имперской админи-

⁷ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898; Материалы по истории политического строя Казахстана: (со времени присоединения Казахстана к России до Великой октябрьской революции). Алма-Ата, 1960. Т. 1; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

⁸ Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.): Сборник документов. Алматы, 2018; Из истории казахско-российских отношений. XVIII век. Сборник документов. Алматы, 2019.

⁹ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Алматы, 2014. Т. 2: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг.

¹⁰ Трепавлов В.В. Символы и ритуалы... С. 106.

¹¹ Васильев Д.В. Рождение империи... С. 199.

¹² Эпистолярное наследие казахской правящей элиты... С. 19, 23, 24, 35–37, 47, 158, 210, 245, 308, 312, 360.

страцией и визиты российских чиновников в степь сопровождалась одариванием казахов этими предметами¹³.

Российские власти даровали казахской элите оружие и доспехи. Пожалование в дар предметов вооружения воспринималось степными правителями как символ благосклонности российского монарха. При передаче оружия получателям объявлялось, что они должны использовать его для защиты российских подданных¹⁴. В 1742 г. губернатор И.И. Неплюев преподнес хану Абулхаиру саблю с бирюзой, пару пистолетов в медной оправе и железный панцирь. Султану Бараку была пожалована сабля в золоченой оправе¹⁵. Сыновья Абулхаира султаны Нуралы и Ералы получили от имперской администрации по сабле с серебряной оправой и штуцеру с медной оправой. Батыр Младшего жуза Джанибек получил саблю с серебряной оправой и пару пистолетов¹⁶. В 1757–1758 гг. султанам Младшего жуза Ералы и Айчуваку и султану Среднего жуза Абылаю были пожалованы именные сабли¹⁷. Данная практика оставалась актуальна и в первой половине XIX столетия. Так, в 1833 г. сабли были пожалованы шести представителям казахской элиты¹⁸, а в 1862 г. бию Азбергену Мунайтпасову был подарен револьвер¹⁹.

«Прикармливание» казахской верхушки было одной из расходных статей бюджета для региональных имперских органов власти. Им ежегодно выделялись денежные средства для «приласкания» казахов: командующему войсками на Сибирской линии – 1500 руб., астраханскому губернатору – 900 руб., оренбургскому губернатору – 2000 руб.²⁰ Образованной в 1816 г. Омской пограничной комиссии по штату отпускались суммы: на угощение приезжающих казахов – 1000 руб., на подарки и «приласкивание» новоподданных казахов – 500 руб. После принятия Устава о сибирских киргизах в 1822 г. отпуск денежных средств по данным статьям был прекращен, вместо этого было решено ежегодно выделять омскому областному начальству экстраординарную сумму 3000 руб., из которой производилась покупка подарков для казахов²¹.

Помимо денег в распоряжение региональных администраций передавались ценные вещи для подарков казахам. Так, в 1827 г. по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири были закуплены 5 аршин темно-зеленого сукна, столько же – алого сукна, 50 аршин ситца, 25 аршин синего плиса, 25 аршин золотого галуна, всего на сумму 487 руб. 50 коп. Эти вещи должны были храниться в Омске и выдаваться казахам омским областным начальником по усмотрению западно-сибирского генерал-губернатора²². Оренбургские власти «за усердную службу» жаловали казахским биям суконные или бархатные кафтаны с галуном или позументом, серебряные ковши для кумыса, серебряные рожки для табака, серебряные

¹³ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 139–140, 155–158, 166.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир... С. 359, 364.

¹⁶ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 139.

¹⁷ Там же. С. 551.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 81. Д. 144. Л. 46–47.

¹⁹ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Док. № 332. Алма-Ата, 1964. URL: https://drevlit.ru/docs/central_asia/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/321-340/332.php

²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 2. Л. 25–25 об.

²¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 338. Оп. 1. Д. 537. Л. 1–2.

²² ЦГА РК. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 468. Л. 1–4.

подносы, золотые часы²³. Также практиковалось награждение серебряными часами и зрительными трубами²⁴.

Пожалование подарков и наград практиковалось во время визитов степной аристократии к императорскому двору в рамках посольств и депутатий. Так, в начале 1790-х гг. к высочайшему двору была допущена депутация от султана Среднего жуза Канкожи во главе с его сыном султаном Адаем. Императрица Екатерина II пожаловала Канкоже ценные подарки: перстень, соболью шубу, 18 аршин золотой парчи, 5 аршин карамзинного сукна для пошива кафтана, 5 пар соболей²⁵. Помимо ценных вещей казахским посланникам в виде подарков жаловались денежные суммы, размер денежных выдач зависел от их статуса. Так, члены посольства Среднего жуза, пребывавшие в Санкт-Петербурге в 1762 г., указом Екатерины II получили свои награды. Султан Баир как посол «от главного той орды Аблай-солтана, именем всей орды присланному» получил «по прежним примерам» 200 руб., султану Урусу, представлявшему своего отца султана Султанмамета, – 60 руб., 5 старшинам – по 40 руб. каждому, их служителю – 10 руб.²⁶

Практика одаривания казахской элиты деньгами и ценными вещами в рамках визитов к императорскому двору продолжала существовать в первой половине XIX столетия. Казахским депутатам, прибывавшим в столицу, жаловались меха и ткани на пошив одежды для представления императору²⁷. Кроме того, по итогам депутатских миссий их участников награждали деньгами (султанов суммой от 300 до 1000 руб. каждому, старшин – от 150 до 300 руб., служителей – от 30 до 150 руб.)²⁸, а также ценными предметами (бриллиантовыми перстнями, золотыми часами и т.п.)²⁹.

Выплата жалований и пенсий

Впервые вопрос о назначении жалования казахской элите стал предметом обсуждения российских властей в 1748 г., после смерти хана Младшего жуза Абулхаира и возведения на ханский престол его сына Нуралы. Помощник оренбургского губернатора А.И. Тевкелев ходатайствовал в Коллегию иностранных дел о назначении ханам Малого и Среднего жузов жалования. Он считал, что обеспечить их лояльность без ежегодных подарков в виде денег и продовольствия не удастся. Центральные власти приняли к сведению позицию А.И. Тевкелева, однако принятие решения было отложено³⁰, возможно, по причине несогласия оренбургского губернатора И.И. Неплюева³¹.

Вновь вопрос о выплате жалования казахским ханам актуализировался в 1754 г., когда хан Нуралы обратился к императрице Елизавете Петровне с просьбой о назначении ежегодного жалования. Хан утверждал, что получение жалования укрепило бы его положение, позволило вознаграждать подданных, способствовало верной

²³ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках... Док. № 332. URL: https://drevlit.ru/docs/central_asia/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/321-340/332.php

²⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 144. Л. 17, 46–47.

²⁵ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты... С. 327.

²⁶ Султаны и батыры Среднего жуза... С. 169.

²⁷ Казахские депутатии к российскому императорскому двору. 1801–1873 гг.: сборник документов. Алматы, 2020. С. 27, 46–47, 85, 159.

²⁸ Там же. С. 110, 164.

²⁹ Там же. С. 110, 642–643.

³⁰ Казахско-русские отношения... С. 437, 447.

³¹ *Избасарова Г.Б.* Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики российской империи в XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 72. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/430/10> EDN: USZIQM

службе российскому престолу. На этот раз имперские власти пошли навстречу казахской верхушке и в 1755 г. назначили хану Младшего жуза ежегодное жалование в размере 600 руб.³² Определение жалования Нуралы, по-видимому, действительно, подняло престиж хана в глазах соотечественников. В течение нескольких следующих лет аналогичные просьбы к российским властям высказали влиятельные султаны Среднего жуза: Абылай – в 1758 г.³³, Султанмаммет – в 1762 г.³⁴ Данные прошения были удовлетворены, султанам было определено жалование: Абылаю – в размере 300 руб. и дополнительной к ним тайной суммой в 100 руб., Султанмаммету – 150 руб.³⁵ К началу XIX в. практика назначения жалований степной элите уже приобрела значительные масштабы – целый ряд казахских ханов, султанов, батыров, старшин получали «пансион» из российской казны.

Представители казахской элиты могли ходатайствовать о назначении себе жалования напрямую центральным властям в рамках практики депутатий к императорскому двору. Подобные просьбы об определении или прибавке к жалованию для себя и/или своих приближенных часто встречались и в прошениях казахской знати, поданных на имя императора или в Министерство иностранных дел в первой трети XIX столетия³⁶. С конца 1830-х гг. данная практика прекратилась. Депутации, состоявшиеся в 1840–1870-х гг., почти не подавали прошений, их пребывание в Санкт-Петербурге зачастую сводилось к осмотру достопримечательностей или участию в важных мероприятиях.

В первой половине XIX в. сложились критерии для назначения жалования казахской верхушке. Региональные власти (генерал-губернаторы, командующие Сибирской линией) ходатайствовали в столицу о выплате жалования представителям казахской элиты для того, чтобы «показать пример подобным верноподданным в воздаяниях за честность и усердие к России»³⁷. В своих ходатайствах они подчеркивали «ревность и усердие» к российскому престолу выдвигаемых кандидатур и безукоризненное выполнение ими поручений пограничного начальства, особо отмечали такие поступки, как возврат беглых российских подданных из степи³⁸, сообщения о «злонамеренных» действиях казахов против имперских властей³⁹, содействие принятию казахами российского подданства, содействие сбору налогов с казахского населения⁴⁰ и т.д. Решение о назначении жалования принимал Комитет министров или Азиатский комитет МИД, а затем его утверждал император⁴¹. Выплата жалования позднее могла быть остановлена, если его получатель совершал недостойные поступки, например, принимал участие в ограблении торговых караванов. В качестве карательной меры российские власти могли не только прекратить выплату жалования провинившемуся, но и его родственникам⁴². Впрочем, удержанное жалование можно было снова заслужить «добрыми делами и хорошим поведением»⁴³. С другой стороны, для добросовестно служивших казахов имперские власти могли увеличить сумму жалования⁴⁴.

³² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 537–538.

³³ Там же. С. 568.

³⁴ Там же. С. 644.

³⁵ Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия... С. 193, 195.

³⁶ Казахские депутатии... С. 48, 86–87, 151, 160–161, 180–181, 532–534.

³⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 48. Л. 6.

³⁸ Там же. Д. 24. Л. 2–2 об.; Д. 33. Л. 1–1 об.

³⁹ Там же. Д. 39. Л. 1–1 об.; Д. 40. Л. 1–1 об.

⁴⁰ Там же. Д. 43. Л. 2–3.

⁴¹ Там же. Д. 68. Л. 1; Д. 103. Л. 3; Д. 166. Л. 10–10 об.

⁴² Там же. Д. 35. Л. 5.

⁴³ Там же. Д. 20. Л. 4–5 об.

⁴⁴ Там же. Д. 25. Л. 13, 19.

В XIX в. получила распространение выплата пенсий или пособий представителям казахской верхушки, долгое время находившимся на государственной службе и безукоризненно выполнявшим свои обязанности. Так, хану Младшего жуза Айчуваку, ушедшему с должности в 1805 г., выплачивалась пенсия в размере 1000 руб. в год⁴⁵. Назначались пенсии султанам и старшинам⁴⁶. В случае смерти чиновников пособия выплачивались их вдовам и/или детям⁴⁷. Выявленные источники, к сожалению, не позволяют раскрыть сам механизм выплаты пособий. Пенсионное обеспечение казахов сибирского ведомства регламентировалось «Уставом о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим» 1827 г.⁴⁸ В оренбургском ведомстве для лиц, «оказавших услуги и особую преданность правительству», назначение пенсий было законодательно закреплено в «Положении об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. (§ 94–95)⁴⁹. Таким образом, на казахских чиновников были распространены существовавшие в Российской империи формы социальной поддержки.

Возведение жилых построек

Распространенной формой материального стимулирования казахов и в то же время способом перевода кочевников-казахов на оседлый образ жизни стала постройка домов для видных представителей степной элиты за счет российской казны. Инициатива строительства принадлежала казахской знати. Так, в 1759 г. хан Нуралы обратился к императрице Елизавете Петровне с просьбой построить для него «крепостцу» для пребывания в зимнее время⁵⁰, на что российская сторона ответила согласием⁵¹. В 1761 г. от султана Абылая поступила просьба выстроить для него дом⁵².

Власти благосклонно относились к желанию казахской знати иметь стационарные жилища. В 1761 г. в Коллегии иностранных дел обсуждался проект командующего Сибирской линией И.И. Веймарна, который в качестве одной из мер «для удержания их (казахов – Ю.Л., О.Г.) во всегдашней к здешней стороне верной преданности» предлагал возводить знатым казахам за счет казны «хоромные строения» и различные хозяйственные постройки. Центральные власти согласились с мнением И.И. Веймарна и пошли навстречу представителям казахской элиты, желавшим иметь дома⁵³.

В 1765 г. был построен деревянный дом для Абылая⁵⁴, в 1776 г. – для султана Султанмамета⁵⁵. Данная практика распространялась и на представителей сословия «черной кости»⁵⁶. Так, в 1778 г. были построены дома батырам Кулсары и Кулебяке

⁴⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 2. Л. 19.

⁴⁶ Там же. Д. 34. Л. 5; Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов. Алматы, 2014. С. 106–108.

⁴⁷ Там же. Д. 34. Л. 11–11 об.; Д. 151. Л. 8–9.

⁴⁸ Казахские чиновники на службе Российской империи... С. 107.

⁴⁹ Материалы по истории политического строя Казахстана... С. 225.

⁵⁰ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 599.

⁵¹ Крафт И.И. Сборник узаконений... С. 68.

⁵² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 626–627.

⁵³ Там же. С. 630–632.

⁵⁴ Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия... С. 194–195.

⁵⁵ Из истории казахско-русских отношений... С. 6.

⁵⁶ Сословие «черная кость» (кара суйек) составляло основную часть казахского населения, определяемую как свободные кочевники. К «черной кости» относились бии (народные судьи), батыры (воины), старшины (управляющие родами, аулами и другими родоплеменными объединениями). Названные социальные группы играли важную роль в экономической, социальной и политической жизни казахского общества, но не входили в состав правящей элиты – «белой кости» (ак суйек) – ханов и султанов, которые вели свое происхождение от чингизидов.

(Кулбаки)⁵⁷, в 1780 г. – старшине Байжигиту⁵⁸. Постройка жилищ для влиятельных степняков оказала заметный «демонстрационный эффект» на казахскую элиту. В 1767 г. хан Младшего жуза Нуралы и его родственник султан Досалы обратились к российской администрации с ходатайством о постройке для них зимних жилищ⁵⁹. С аналогичными просьбами к сибирским властям обращались представители элиты Среднего жуза: в 1777 г. – султан Урус⁶⁰, в 1778 г. – султан Даулеткерей⁶¹, султан Торebaтыр (дважды)⁶², мурза Байжигит⁶³.

Получение разрешения на строительство для казахов Среднего жуза происходило следующим образом. Казахи, желающие иметь стационарные жилища, сообщали об этом командующему войсками на Сибирских линиях. В случае получения согласия с его стороны представители казахской элиты выбирали место для постройки и сообщали о нем российской администрации. Затем на выбранное место комендант близлежащей крепости направлял воинскую команду, которая оценивала удобство местности для проведения работ. В ее состав входил инженер, составлявший план будущего здания. О результатах осмотра местности комендант направлял рапорт командующему сибирскими войсками, после чего последний принимал решение о строительстве. Если было получено разрешение, то российская сторона начинала строительство. Если проводить строительные работы было затруднительно, то в строительстве могли отказать⁶⁴.

Выявленные источники не позволяют реконструировать механизм обращения с просьбой о строительстве домов для элиты казахов Младшего жуза. Авторам удалось выявить лишь два таких случая – вышеупомянутые ходатайства от хана Нуралы и султана Досалы, которые обратились напрямую к императорской особе с просьбой о строительстве для себя домов. Вопрос обсуждался в Коллегии иностранных дел, окончательное решение принимал российский монарх. Первый (хан Нуралы) просил построить крепость на реке Яик, однако получил отказ. Второй (султан Досалы) просил построить ему дом вдоль реки Илек, на что получил согласие. Причины отказа хану Нуралы крылись в стремлении имперских властей избежать перегона казахами скота на внутреннюю сторону р. Яик, а также «знакомства» казахов с другими мусульманскими народами, находящимися в турецком подданстве. Российская администрация была готова выстроить хану стационарное жилище «в любом другом месте, но подальше от Яика»⁶⁵.

Степная элита могла заявить о своем желании иметь стационарное жилище в рамках практики депутатий к российскому императорскому двору. Казахские султаны подавали на имя российского императора прошения о постройке для них домов, на что нередко получали согласие. Так, по решению императора Александра I сибирским властям было предписано построить дом в 1802 г. для султана Шаншара Султанмамeтова⁶⁶, в 1805 г. – для султана Татена Урусова⁶⁷. Далее следовало исполнение воли

⁵⁷ Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия... С. 195.

⁵⁸ Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Астана, 2007. С. 53.

⁵⁹ Крафт И.И. Сборник узаконений... С. 112.

⁶⁰ Султаны и батыры Среднего жуза... С. 418.

⁶¹ Из истории казахско-российских отношений... С. 427.

⁶² Там же. С. 422, 434.

⁶³ Там же. С. 421.

⁶⁴ Султаны и батыры Среднего жуза... С. 310–311, 411–412.

⁶⁵ Крафт И.И. Сборник узаконений... С. 112.

⁶⁶ Казахские депутатии... С. 28.

⁶⁷ Там же. С. 114.

монарха. Местные власти согласовывали с казахской знатью места для постройки, составляли план будущего здания и смету, которые передавали на рассмотрение в Коллегию иностранных дел, а затем императору. После получения положительного решения из государственного бюджета выделялись деньги и начинались строительные работы.

При рассмотрении практики возведения жилых построек для казахской элиты следует затронуть вопрос об отношении российских властей к переходу казахов к оседлости. В XVIII – первой трети XIX в. российские правящие круги были убеждены, что оседание казахов-кочевников позволит их «цивилизовать» и «умиротворить», а потому имперская администрация благосклонно относилась к подобным инициативам. Однако с середины 20-х гг. XIX в. у региональных властей обозначились разные подходы к вопросу оседания казахов на землю. Сибирское ведомство, управлявшее Средним жузом, способствовало процессу оседания казахов. Оренбургское ведомство, в ведении которого находился Младший жуз, напротив, всячески этому противилось⁶⁸. После проведения в казахских жузах реформ 1820-х гг. региональные власти стали проводить собственный курс, направленный на поощрение/запрещение оседания казахов, а следовательно, постройку ими стационарных жилищ. С этого времени возведение за счет казны домов для степной элиты в основном прекратилось. Авторами статьи выявлен лишь один подобный факт, когда в 1824 г. в ответ на просьбу Айганым, вдовы хана Среднего жуза Вали, для нее были построены небольшой дом и мечеть в урочище Сырымбет⁶⁹.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что материальное стимулирование казахской элиты в XVIII – первой половине XIX в. являлось одной из основ политики Российской империи в казахских жузах. Имперские правящие круги использовали различные формы «прикармливания» степной верхушки, включая вручение подарков и денежные дачи, награждение ценными вещами, назначение жалований и пенсий, возведение жилых построек за счет казны. Различные формы материального стимулирования казахов использовались как обособленно, так и в комплексе в рамках посольств и депутатий к российскому императорскому двору. Последнюю практику, полностью финансируемую за счет российской стороны, также можно считать особой формой поощрения и материального мотивирования степняков с целью привлечения их на российскую службу. Одни формы материальной поддержки являлись для казахского общества традиционными (одаривание), другие вводились российской администрацией (регулярные выплаты и награды за службу, строительство жилых домов, поездки к императорскому двору). Однако и те, и другие нашли поддержку у казахской элиты и применялись в российско-казахских отношениях на протяжении долгого времени. Таким образом осуществлялось интегрирование казахской элиты в российское социально-правовое поле и параллельно формировалась этносоциальная прослойка (будущие чиновники из местной этнической среды), лояльная имперской власти и выполнявшая посреднические функции между имперским центром и периферией.

⁶⁸ Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в.). Барнаул, 2003. С. 21–59, 103–128. EDN: QOTJQP

⁶⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 7. Л. 491–493.

Поступила в редакцию / Submitted: 03.09.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 5.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 11.06.2025

References

- Andreev, I.G. *Opisanie srednei ordy kirgiz-kaisakov* [Description of the Middle horde of Kirghiz-Kaisaks]. Astana: Altyn kitap Publ., 2007 (in Russian).
- Bekmakhanov, Ye.V. *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 20–40s of the 19th century]. Alma-Ata: Kazakhskoe ob'edinennoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1947 (in Russian).
- Bykov, A.Yu. *Istoki modernizatsii Kazakhstana (problema sedentarizatsii v rossiiskoi politike XVIII – nachala XX* [The origins of modernization of Kazakhstan (The problem of sedentarization in Russian politics of the 18th – early 20th century)]. Barnaul: Azbuka Publ., 2003 (in Russian).
- Erofeeva, I.V. *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik* [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press Publ., 2007 (in Russian).
- Gundova, O.E. “Deputations of the Kazakh Ruling Elite to the Court of the Russian Emperors (mid – second half of the 19th century).” *Journal of Frontier Studies* 8, no. 3 (2023): 74–89 (in Russian), <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.533>
- Izbassarova, G.B. “A.I. Tevkelev’s state activity on the implementation of the South-Eastern policy of the Russian Empire in the 18th century.” *Tomsk State University Journal*, no. 430 (2018): 68–76 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/15617793/430/10>
- Izbassarova, G.V. *Kazakhskaiia step' Orenburgskogo vedomstva v imperskikh proektakh i praktikakh pervoi poloviny XIX veka* [The Kazakh steppe of the Orenburg department in imperial projects and practices of the first half of the 19th century]. Moscow: IP Lysenko A.D. Press-kniga Publ., 2018 (in Russian).
- Khafizova, K.Sh. *Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiia v XVIII – XIX vekakh. Monografiia* [Steppe rulers and their diplomacy in the 18th–19th centuries. A monograph]. Nur-Sultan: Kazakhstanskii institut strategicheskikh issledovaniï pri Prezidente Respubliki Kazakhstan Publ., 2019 (in Russian).
- Kraft, I.I. *Sbornik zakononii o kirgizakh stepnykh oblastei* [A collection of laws on the Kirghiz of steppe areas]. Orenburg: P.N. Zharikov Publ., 1898 (in Russian).
- Levshin, A.I. *Opisanie kyrgyz-kazakhskikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei* [A description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat Publ., 1996 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. “Abylai’s Epistolary Legacy in the context of Kazakh-Russian political communication.” *Turkic Studies Journal* 6, no. 2 (2024): 93–108 (in Russian), <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-2-93-108>
- Pochekaev, R.Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v.* [Governors and Khans. The personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: 18th – early 20th century]. Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki Publ., 2017 (in Russian), <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1620-1>
- Remnev, A.V., and Sukhikh, O.E. “Kazakh Deputations in the Scenarios of Power: From Diplomatic Missions toward Imperial Presentations.” *Ab Imperio*, no. 1 (2006): 119–154 (in Russian), <https://doi.org/10.1353/imp.2006.0023>
- Rychkov, P.I. *Istoriia Orenburgskaia (1730–1750)* [History of Orenburg (1730–1750)]. Orenburg: Orenburgskii gubernskii statisticheskii komitet Publ., 1896 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. *Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI – XIX vv.* [Symbols and rituals in the ethnic politics of Russia in the 16th – 19th centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ, 2018 (in Russian).
- Vasil'yev, D.V. *Rozhdenie imperii. Iugo-vostok Rossii: XVIII – pervaiia polovina XIX v.* [The Birth of an Empire. Southeast of Russia: 18th – 1st Half of 19th Century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2020 (in Russian).
- Vyatkin, M.P. *Batyr Syrym* [Batyr Srym]. Moscow; Leningrad: Akademiia Nauk SSSR Publ., 1947 (in Russian).
- Zimanov, S.Z. *Politicheskii stroi Kazakhstana kontsa XVIII i pervoi poloviny XIX v.* [The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX century]. Alma-Ata: Akademiia Nauk Kazakhskoi SSR Publ., 1960 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Юлия Александровна Лысенко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; Россия, 656049, Барнаул, проспект Ленина, 61; iulia_199674@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>; SPIN-код: 1607-1789.

Yulia Alexandrovna Lysenko, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of Oriental Studies at the Institute of History and International Relations, Altay State University; 61, Prospekt Lenina Av., Barnaul, 656049, Russia; iulia_199674@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>; SPIN-code: 1607-1789.

Ольга Евгеньевна Гундова, старший преподаватель кафедры востоковедения Института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; Россия, 656049, Барнаул, проспект Ленина, 61; olga.gundova13@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-2574-0625>; SPIN-код: 3268-5971.

Olga Evgenievna Gundova, Senior Lecturer of the Department of Oriental Studies at the Institute of History and International Relations, Altay State University; 61, Prospekt Lenina Av., Barnaul, 656049, Russia; olga.gundova13@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-2574-0625>; SPIN-code: 3268-5971.